Опытный соблазнитель

Автор:
Сара Крейвен

Опытный соблазнитель

Сара Крейвен

Любовный роман – Harlequin #470

У Маделин Лэнг все складывается удачно – у нее интересная работа, к тому же скоро она выходит замуж. Вот только перед свадьбой ей надо съездить в Италию, чтобы завершить один проект. Именно эта поездка круто меняет ее судьбу.

Сара Крейвен

Опытный соблазнитель

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Count Valieri’s Prisoner © 2013 by Sara Craven

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Тишина в комнате, залитой искусственным светом, нарушалась лишь шелестом страниц. Сидящий за широким столом мужчина просматривал содержимое папки, внимательно изучая страницу за страницей и откладывая их в сторону. Между сосредоточенно сдвинутыми бровями образовалась тонкая морщинка.

Другой мужчина в кресле напротив незаметно наблюдал за ним, делая вид, будто разглядывает свои ногти.

Последний раз они виделись два года назад. Что осталось в этом хмуром язвительном типе, склонившемся над бумагами, от того мальчика, которого он знал когда-то? Ничего.

Но прием, как всегда, был учтивым. Мажордом проводил его в комнату, где он провел ночь и позавтракал. К обеду он спустился вниз. Еда была превосходной, обстановка за столом – спокойной. Но у него не оставалось иллюзий…

Наконец, закончив просматривать бумаги, мужчина поднял глаза и коротко кивнул:

– Прекрасная работа, синьор Массимо. Здесь, в этой папке, можно сказать, собрана целая жизнь. В каждой детали. И это бесценно.

Быстрая улыбка на мгновение смягчила твердую линию рта, добавив блеска глазам цвета темного янтаря. Лицо гордое, даже надменное, с высокой переносицей, безупречно вылепленными скулами и твердым подбородком.

«И все же слишком суровое, чтобы быть красивым, – подумал Гвидо Массимо, слегка наклонив голову в знак ответной благодарности. – И слишком холодное в своей целеустремленности».

Массимо подождал, пока он взял фотографию – последнее, что оставалось в папке, – и внимательно посмотрел на нее. На фото была девушка. Светлые волосы шелковистым занавесом обрамляли лицо, спускаясь почти до плеч. Лицо овальное, с молочно-белой кожей и ясными серыми глазами. Нос прямой, чуть вздернутый подбородок, изящно очерченные губы слегка приоткрыты в

самоуверенной улыбке.

– Когда была сделана фотография?

– Несколько месяцев назад… по случаю обручения. Фотография появилась в одном местном журнале. – Массимо позволил себе осторожно подмигнуть: – Красивая девушка.

Последний комментарий вызвал только неопределенное пожатие плеч.

– Холодный англо-саксонский тип. Не привлекает. – Хотя он усмехнулся: при данных обстоятельствах это даже к лучшему. – Надо полагать, ее женишок имеет на этот счет другое мнение и согласится выплатить нам запрошенную сумму за ее счастливое возвращение. По крайней мере, мы должны на это надеяться.

Синьор Массимо только что-то пробормотал. Он знал, что именно ценит его хозяин в женщинах – элегантную чувственность и необузданное сладострастие.

Мужчина за столом вернул фотографию в папку и, откинувшись на спинку кресла, нахмурился.

– Свадьба намечена через два месяца, значит, времени терять нельзя. Придется мобилизовать все силы. Что тоже к лучшему. – Привычным движением он покрутил массивный перстень на правой руке. – Расскажите мне побольше о телевизионной компании, где она работает. Вы говорите, она делает программы для разных культурных каналов?

– Да. И надо сказать, успешно. В настоящее время она занимается сбором материала. В дальнейшем могла бы стать и телеведущей. Но похоже, брак положит конец ее планам. Как я уже упоминал в своем докладе, ее жених явно не настроен иметь работающую жену.

– Между ними возникли разногласия?

– Довольно серьезные. И похоже, до сих пор ничего не решилось.

– Амбиции против любви. – Глубокий голос прозвучал почти медитативно. – Интересно, а что бы она выбрала, если бы оказалась перед настоящим искушением? – Он помолчал. – Вы… делаете ставки, синьор Массимо?

– Редко.

– А на что бы вы поставили в этой ситуации?

Гвидо Массимо пожал плечами:

– Девушка скоро станет женой. Думаю, ей хочется сделать приятное своему жениху.

– О, да вы романтик! Какая неожиданность… Но мне кажется, вы ошибаетесь. – Я знаю, на какую наживку она клюнет. И эта наживка приведет ее прямо сюда.

– Если я в дальнейшем могу быть вам полезен… – начал Массимо.

Его собеседник поднял руку.

– Я вам очень благодарен, – сказал он, – но начиная с этого момента вам лучше оставаться в стороне и не отвечать на всякие неудобные вопросы. А потому – чем меньше вы будете знать, тем лучше. – Его фразы становились все короче, беседа явно подходила к концу. – Таким образом, настало время получить вознаграждение. – Он открыл ящик стола и вынул оттуда увесистый конверт. – По той же причине мы договорились – оплата наличными. Можете пересчитать.

– Это лишнее.

– Как хотите. – Он помолчал. – Мне остается еще раз вас поблагодарить и пожелать спокойной ночи. Встретимся за завтраком.

Гвидо Массимо встал из кресла, взял протянутый ему конверт и, сдержанно поклонившись, направился к выходу. Возле двери он остановился:

– Я вот что хотел бы спросить… Вы уже все решили? Уверены, что никакой другой вариант не подходит? В конце концов, девушка ни в чем не виновата.

Разве она заслужила, чтобы с ней так обращались?

– Вы не должны расстраиваться, мой друг. Как только я получу то, что мне нужно, ваша красавица будет возвращена своему будущему мужу в целости и сохранности. В том случае, если она сама, конечно, захочет. – Он тоже встал – прямой и высокий. – Нет никакой необходимости жалеть ее, уверяю вас.

«А все же мне ее жаль, – думал Гвидо Массимо, выходя из комнаты. – Как жаль и того мальчика, которого я когда-то знал и не раз поминал в своих молитвах…»

* * *

– Дорогая! – взмолился Джереми. – Ради бога, скажи – это была просто шутка!

Маделин Лэнг сняла очки и в изумлении уставилась на него через стол.

– Шутка? – повторила она. – Я говорю о работе. И совершенно серьезно. С чего бы мне шутить, черт возьми?

Джереми саркастически рассмеялся:

– О да, конечно! Это же элементарно! Устроить прием для двух сотен гостей. Или все это надо отложить, пока ты не набегаешься по Италии за своим материалом?

Маделин прикусила губу:

– Ну, с твоей-то мачехой, которая желает все контролировать, трудно что-то отложить. Сомневаюсь, чтобы мое отсутствие вообще было замечено.

Наступила неловкая пауза. Джереми потянулся через стол и взял ее за руку. Теперь его лицо выражало сочувствие.

– Дорогая, я знаю, Эсме любит покомандовать…

Маделин вздохнула:

– Это еще мягко сказано. Все, что бы я ни предложила, тут же отбрасывается в сторону. Неужели предстоящая свадьба наша? Трудно поверить.

– Извини, Мадди. – Голос Джереми звучал примиряюще. – Эта свадьба – большое событие для всей семьи. И отец хочет, чтобы все прошло идеально.

– Семья… Родственники… Если бы только они… – пробормотала Маделин. Она взяла очки и откинулась на спинку стула. – Ты хотя бы можешь сказать, откуда взялись все эти гости? О многих я вообще никогда не слышала.

– Клиенты банка, деловые партнеры, друзья отца, – перечислил Джереми без особого энтузиазма. – Но поверь, список мог быть еще длиннее. Это еще сокращенный вариант.

– Не вижу в этом ничего особенно приятного, – буркнула Маделин.

– Да брось, все не так уж и плохо. – Джереми помолчал. – Но может стать и хуже, если ты застрянешь в Италии с этой вздорной историей итальянской певички.

Мадди пристально на него посмотрела:

– Джереми, ты это сказал? Сначала – «шутка», потом – «вздор». А ведь мы говорим о моей работе…

– Скоро ее не будет. И какой тогда смысл ехать через всю Европу в погоне за каким-то мифом?

– Мифом?! Что ты такое говоришь? Флория Бартрандо была одной из самых перспективных певиц своего поколения, обладающих драматическим сопрано. Она могла бы стать еще одной Марией Каллас. А потом – совершенно неожиданно! – вдруг исчезла… Тридцать лет о Флории ничего не было слышно, и вот теперь, возможно, появился шанс раскрыть эту тайну.

Джереми нахмурился:

– Но почему именно тебе нужно ехать? – Он снова наполнил их бокалы. – Ты не единственная в вашей команде.

– Вероятно, наши итальянские друзья видели программу о последней симфонии Хэдли Кэннингхэм. Об этой симфонии никто раньше не слышал. Программа понравилась. Поэтому Тодд решил доверить мне новое дело.

Джереми нахмурился еще больше:

– Если честно, дорогая… Я думал, ты отказалась от этого задания. Как мы с тобой и договаривались.

– Я лишь обещала подумать над этим, – уточнила Маделин. – И теперь решила – я не буду отказываться от работы, которую люблю, без серьезной на то причины. – Она с грустью посмотрела на него: – Джереми, пожалуйста, постарайся понять!

– Что понять? – Он раздраженно пожал плечами. – Что поиск материала для какого-то телевизионного шоу для тебя куда важнее, чем быть моей женой?

– А теперь ты просто несешь чушь! – вскипела Маделин. – На дворе двадцать первый век, черт возьми, если ты этого не заметил! Большинство женщин вполне способны совмещать брак и карьеру.

– Но я предпочитаю, чтобы ты смотрела на наш брак как на свою единственную карьеру. – Его губы сжались. – Вряд ли ты представляешь, какой насыщенной будет наша жизнь. Сколько всяких вечеров и приемов нам придется устраивать. Да-да, всех этих роскошных обедов, а не дешевых вечеринок, которые можно организовать за пару часов, заказав доставку еды из какого-нибудь ближайшего китайского ресторанчика.

Она вздохнула:

– Значит, вот как ты на меня смотришь? Как на легкомысленную сумасбродку?

– Нет, дорогая. Конечно нет. – Он снова вернулся к умиротворяющей тактике. – Просто мы не уверены, что ты понимаешь, сколько всего на себя берешь.

Маделин вперила в него пристальный взгляд:

– Я полагаю, тут прозвучало не королевское «мы»? Ты просто решил посоветоваться со своим папочкой, да?

– Разумеется, мы это с ним обсуждали.

Она прикусила губу.

– Джереми, но это наша свадьба! И ты должен был заставить его это понять. – Ее голос звучал тихо, но уверенно. – Я не хочу подвести тебя или отказать в помощи, которая тебе так нужна для карьеры. Все, о чем я прошу, – это сделать то же самое для меня. Неужели так трудно понять?

Наступило молчание. Потом Джемери сказал:

– Я понимаю. Но мне нужно еще раз поговорить с отцом… – Он озабоченно посмотрел на часы: – Кстати, мне пора. Через полчаса я должен встретиться с ним и еще с кое-кем в «Айви». – Он помолчал. – А ты… ты не хотела бы пойти?

Маделин похлопала по своим джинсам:

– В джинсах и в майке отправиться в дорогой ресторан? Это может создать определенные трудности. Лучше в другой раз.

– А чем ты займешься сегодня?

Мадди пожала плечами и потянулась за своей сумкой.

– Устрою себе вечер отдыха. Вымою голову, сделаю маникюр, почитаю книжку. Вот, пожалуй, и все.

Мадди впервые солгала своему жениху. Потому что на самом деле она собиралась вернуться в офис и еще немного поработать.

Джереми притянул ее к себе и поцеловал:

– Ссоры нам ни к чему, дорогая. Мы всегда сможем договориться. Я это знаю.

– Конечно, – согласилась она, отвечая на его поцелуй.

В окно она видела, как Джереми поймал такси, и помахала ему на прощание. Но как только такси уехало, она встала, вышла из бара и пошла в сторону улицы, где находилась телевизионная компания.

Мадди знала семью Сильвестр, можно сказать, всю жизнь. Бет Сильвестр, школьная подруга матери, была ее крестной, и Мадди каждый год проводила часть летних каникул в Фалоудене – большом загородном доме Сильвестров.

Жизнь в этом доме представлялась ей почти идиллией, но теперь, повзрослев, она поняла: там были свои подводные камни, которых она тогда просто не замечала. Тем не менее Мадди инстинктивно чувствовала: в отличие от тетушки Бет ее муж всегда будет для нее мистером Сильвестром и никогда не станет дядюшкой Найджелом.

Фалоуден сам по себе был не особенно красив – слишком большой и слишком мрачный. Но Мадди он всегда очаровывал, особенно когда там появлялся Джереми, единственный сын Сильвестров, на семь лет старше ее.

О нет, они вовсе не были тогда влюблены друг в друга!

– Ничего подобного, – возразила Мадди в первый раз, когда он это сказал. – Ты считал меня сущим наказанием – дьяволенком, доставалой… уж не знаю кем еще… И всегда старался держаться подальше.

– Но с тех пор я сильно изменился… – прошептал Джереми, притягивая Мадди к себе, – признай же это.

И самые прочные воспоминания тех лет были связаны совсем не с Джереми, если не считать катастрофы с ее родителями. Мадди хорошо помнила, как менялась атмосфера в доме, когда приходил Найджел Сильвестр.

Это был мужчина немного выше среднего роста, который тем не менее всегда казался очень высоким. Где-то к тридцати годам он полностью поседел – так

сказал Джереми и добавил: «Надеюсь, я этого не унаследовал».

Мадди с улыбкой погладила его по щеке: «С седыми волосами ты будешь выглядеть очень эффектно».

Но волосы Найджела Сильвестра – зачесанные назад и несколько длиннее, чем это было принято, – по мнению Маделин, составляли странный и даже неприятный контраст по сравнению с большими темными глазами под тяжелыми веками на гладком, без морщин, лице.

Но дело было не только в его внешности. Казалось, от его внимания, как от глаз хищной птицы, ничто не могло ускользнуть. И хотя Мадди никогда не слышала, чтобы он повышал голос, пожалуй, было бы лучше, если бы иногда он кричал.

Было в спокойствии старшего Сильвестра что-то, отчего у нее пересыхало в горле, когда ей приходилось с ним разговаривать. Мадди довольно скоро догадалась – ее присутствие в Фалоудене скорее им терпелось, чем приветствовалось. Поэтому девочка старалась не попадаться ему на глаза. Впрочем, это было не слишком трудно. В доме у нее имелась своя комната – бывшая детская, с большим шкафом, наполненным книжками. Когда она была совсем маленькой, тетя Бет читала ей на ночь. А потом Мадди уже и сама проводила в их компании долгие счастливые часы…

Но в один ужасный день безмятежное детство Маделин закончилось. На обледенелой дороге машина ее родителей столкнулась с автомобилем подвыпившего на корпоративе банковского клерка…

Мадди осталась с тетей Фи, младшей сестрой ее матери, сразу же оформившей над ней опекунство.

На следующий день после похорон тетушка Бет предложила удочерить свою крестную дочь, но это предложение принято не было. Тетушка Фи и дядюшка Патрик, ее веселый толстый муж, были уверены, что Мадди скорее найдет любовь и утешение в их большом беспорядочном доме. Так оно и случилось.

Ее визиты в Фалоуден продолжались как и прежде, хотя вопрос об удочерении больше никогда не вставал. Теперь, оглядываясь назад, Мадди не сомневалась, что Найджел Сильвестр наверняка был против этой идеи.

С тех пор Маделин часто задумывалась: что заставило ее крестную, хорошенькую умную женщину с очаровательной улыбкой, выйти за него замуж?

Ее любимая тетушка Бет умерла, когда Мадди училась на первом курсе университета. Она умерла во сне, от сердечного приступа. Мадди присутствовала на похоронах. Она неловко попыталась выразить свое сочувствие мистеру Сильвестру, но тот не стал ее слушать и, пробормотав короткие слова благодарности, отвернулся.

К тому времени она уже достаточно трезво смотрела на мир. И ей казалось – вряд ли теперь стоит приезжать в Фалоуден.

Примерно через неделю после похорон Маделин получила письмо от юридической фирмы, в котором говорилось, что тетя Бет оставила ей весьма значительную сумму денег, вполне достаточную для того, чтобы закончить образование. И – целую коллекцию детских книг, которая значила для нее даже больше, чем деньги.

– О, как это мило с ее стороны! – сказала Мадди, вытирая слезы. – Тетя Бет знала, как я их любила. Но… неужели они не нужны Джереми?

– Похоже что нет, – сухо заметила тетушка Фи. – Если бы ты отказалась от этого дара, книги, скорее всего, отправились бы в какую-нибудь книжную лавку. – Она поджала губы. – Слишком уж много они напоминали Найджелу о той успешной карьере, которой он помешал.

– Карьере? – Мадди нахмурилась. – Чьей карьере? Тетушки Бет? Она когда-то писала?

– О нет, этим талантом она не обладала. Бет была редактором в издательстве «Пенлэгген пресс». Твоя мать говорила, что сам Пенлэгген несколько раз пытался вернуть ее обратно и даже предлагал работу на дому. – Она покачала головой: – Но нет! Бесполезно. Жены Сильвестров не должны работать!

– Но если она была таким хорошим редактором…

– Думаю, в этом как раз все и дело, – вздохнула тетушка Фи.

Тот разговор Мадди не забыла. И вот теперь эта история снова всплыла в ее памяти.

«Ну нет, – подумала она, – черта с два я откажусь от своей работы!»

Она снова почувствовала обиду за тетушку Бет, вспомнив, как Найджел Сильвестр, не выждав и года после ее смерти, объявил о своей помолвке с Эсме Хаммонд, а через месяц женился на ней.

А еще через год, совершенно случайно, на вечеринке в Лондоне Мадди встретилась с Джереми. Они проболтали весь вечер, а потом он попросил у нее телефон. На следующий день пригласил ее на ужин. А потом… потом события стали нарастать как снежный ком…

Джереми очень изменился. Можно сказать, он стал совершенно другим человеком. Оказалось, он многое унаследовал от своей матери – легкость в общении и очаровательную улыбку. Тем не менее, несмотря на три года в университете и курс в Гарвардской школе бизнеса, он по-прежнему был у отца на коротком поводке.

Мадди не питала иллюзий относительно своего будущего свекра. Найджел Сильвестр вряд ли был рад видеть ее своей невесткой, но открыто не возражал.

Мадди остановилась у входа в офис, чтобы набрать код.

Поначалу она полагала, что Джереми сразу захочет, чтобы она переехала с ним в квартиру, принадлежащую компании. Увы, скоро Мадди убедилась в своей ошибке.

– Отец говорит, ему часто бывает нужна эта квартира, – сказал Джереми. – И вообще он считает, что мы с тобой не должны жить вместе, пока не поженимся.

Мадди изумленно уставилась на него:

– Но кто в наши дни придерживается таких правил?

Джереми пожал плечами:

– Я думаю, в некоторых вещах отец довольно старомоден.

«Какой лицемер!» – подумала Мадди. Она могла бы поспорить на свою годовую стипендию: его отец и прелестная Эсме делили постель еще тогда, когда была жива тетя Бет.

– А что изменится после свадьбы? – спросила она. – Твой отец каждый раз будет просить меня уехать, когда ему захочется остаться в городе на ночь?

– Нет… конечно же нет! – торопливо пробормотал Джереми. – Он переночует в гостинице. Нам еще повезло. Когда все только начиналось, «Сильвестр и компания» называлась «Сильвестр, Фелдерштейн и Марчетти». В эту квартиру каждую неделю мог бы сваливаться кто-то из директоров.

Она рассмеялась:

– О, это было бы даже весело! Ну и где они все сейчас?

Джереми пожал плечами:

– Не знаю. Может, умерли, а может, начали свое дело. Мы не так давно стали независимыми.

Вероятно, с того времени, как Найджел Сильвестер достиг успеха в коридорах власти, консультируя правительственных советников по банковским и экономическим вопросам. Ходили слухи, в следующем году он будет удостоен звания пэра.

«Как мне тогда его придется называть? Милорд? – думала она, поднимаясь на скрипучем лифте к себе в офис. – Будет ли он ожидать от меня реверанса при встрече? Эсме наверняка сделается еще более нетерпимой, когда станет леди Сильвестр».

Впрочем, глупо гадать раньше времени. Сейчас нужно сосредоточиться на другом. На том фантастическом предложении, которое прямым курсом плывет

ей в руки.

«Италия в мае, – подумала она. – Боже, я едва могу дождаться!»

Глава 2

Только когда самолет оторвался от земли, Маделин смогла поверить – она действительно летит в Италию!

Ее бы не удивило, если бы Найджел Сильвестр нашел какой-нибудь способ вытащить ее из самолета.

Впервые эта мысль пришла ей в голову во время ужина в квартире, принадлежащей компании. Она думала, они с Джереми будут вдвоем, и была очень удивлена, когда, вернувшись с работы, обнаружила там ожидавших ее Эсме и мистера Сильвестра.

– Мы решили, нам следует наконец узнать друг друга получше, – произнес он, и при этом еле заметная улыбка тронула его губы.

Мадди оглянулась на Джереми, и сердце упало: тот явно избегал ее взгляда.

– Конечно, – сказала она и взяла предложенный ей бокал сухого шерри.

За ужином разговор шел на общие темы, но Мадди, едва прикоснувшись к превосходной еде, приготовленной их экономкой миссис Палмер, попросила принести ей кофе.

Едва за миссис Палмер закрылась дверь, как Эсме доверительно наклонилась вперед:

– Я думаю, Маделин, если, конечно, мужчины простят нам эту скучную тему, мы должны решить с вами насчет платья.

Мадди поставила на стол свою кофейную чашку.

– Но я об этом уже позаботилась.

Миссис Сильвестр изумленно подняла брови:

– В самом деле?..

– Да. Я уже выбрала платье. Им сейчас занимается Дженет Глэдстоун из магазина для новобрачных. Это здесь неподалеку. Вы должны были заметить его, когда ехали сюда. На углу Хайс-стрит.

– Нет… Во всяком случае, я не обратила внимания… В любом случае я уже договорилась с Ниной Фитс-Алан, – объявила она с самодовольной улыбкой. – Поскольку я ее любимая клиентка, она согласилась отложить другие заказы, чтобы заняться вашим свадебным платьем. Но все равно времени терять нельзя.

– Вы очень любезны, – сказала Мадди. – Но боюсь, уже ничего нельзя изменить, поскольку за все платья – и для меня, и для подружек невесты – платят дядя с тетей.

– И конечно, вы думаете, самый лучший дизайнер Лондона им окажется не по средствам. – Эсме понимающе наклонила голову. – Это не должно вас беспокоить. И ваших родственников тоже. Счет будет послан мне.

– Но я заказала именно то, что хотела. – Мадди проигнорировала умоляющий взгляд Джереми. – Белый тонкий шелк с серебристой вышивкой. У меня уже было две примерки, и я очень довольна.

Уголки губ Эсме едва заметно дрогнули.

– Думаю, вы не отдаете себе отчета, моя дорогая… Платьице из местного ателье, как бы хорошо оно на вас ни смотрелось, для столь важного мероприятия не годится. – Она помолчала. – Одним словом, я договорилась с Ниной на четверг на десять тридцать. После чего еще несколько раз нужно будет приехать в салон для примерки. И поскольку вы упомянули ваших подружек… – продолжала Эсме, – я, конечно, понимаю вашу привязанность к ним. Салли и… Трейси,

кажется?

– Триша, – поправила ее Мадди.

– Хорошо, Триша. Но Найджел хотел бы, чтобы вашими сопровождающими были его крестники – две пары близнецов. Поэтому я и подумала о викторианском платье. Бархатные береты мальчиков и кружевные панталончики девочек смотрелись бы рядом с ним просто очаровательно!

Мадди сцепила под столом руки.

– Я не хотела бы, чтобы за мной по проходу в церкви следовали маленькие дети. Особенно такие, которые и к горшку еще вряд ли приучены. Что заставило бы меня беспокоиться об их панталончиках. Кроме того, – добавила она, – Салли и Триша мои подруги, а не только соседки. И мне бы хотелось, чтобы в этот день со мной рядом были они. И только они. – Она помолчала. – И еще. Поскольку следующие две недели я собираюсь работать за границей, даже при всем желании мне не удалось бы встретиться с мисс Фитс-Алан. Да и желания у меня нет.

– А мне кажется, – произнес Найджел Сильвестр таким ледяным тоном, что Мадди почувствовала, будто ее выбросили без одежды на полярный лед, – вы должны понять: у вас есть ответственность перед моим сыном, которая перевешивает ответственность перед вашей работой. Вам стоит предупредить вашу компанию о своем увольнении, а не ехать за границу в этот ответственный для всей нашей семьи момент.

Мадди вздернула подбородок:

– Вы тоже должны были понять – я не собираюсь бросать работу и ставить крест на своей карьере!

– Вашей карьере? Думаю, детка, вы находитесь в плену иллюзий, – протянул он.

И мистер Сильвестр провел совершенно безжалостное сравнение ее квалификации, способностей и амбиций, сведя потенциал Маделин к почти полному нулю. И все это сопровождалось мерзкой, тонкогубой улыбкой.

* * *

– Как ты мог? – накинулась она на Джереми, когда после ужина они приехали в ее квартиру. Салли и Триша при их появлении тактично разошлись по своим комнатам. – Я думала, мы уже это решили. Так как же ты мог позволить ему так со мной разговаривать?

– Я предупреждал тебя, что отец думает насчет работающих жен, – оправдывался Джереми. – И то, каким важным мероприятием считает эту свадьбу.

Мадди уже была готова нанести ответный удар, когда заметила, как расстроен Джереми.

«Это не его вина, – напомнила она себе. – Его отец еще тот тиран, и ты это знаешь…»

– Дорогой, – сказала она, – Эсме и твой отец могут взять в свои руки большую часть всех приготовлений. Но они не должны добавлять и меня в этот набор. Я буду в том платье, которое сама себе выбрала. И хочу, чтобы рядом со мной в этот день были мои подруги, Салли и Триша. И никаких – никаких! – ковыляющих позади младенцев.

Наступила пауза.

– Но есть еще и Италия, – наконец произнес Джереми. – А если бы я встал на колени и попросил тебя не ездить туда, могла бы ты передумать?

– Я не хочу ставить тебя на колени, – мягко возразила Мадди. – Просто прошу понять – для меня это действительно важно. Я и пробуду там всего лишь несколько дней. Разве это может стать какой-то проблемой?

Он тряхнул головой:

– Это уже стало проблемой. Я и сам не могу понять, в чем тут дело, но, похоже, у отца вырос зуб на эту Италию.

– У твоего отца зуб на все, что идет вразрез с его желаниями, – сказала Мадди. – И не важно, Италия ли это или Восточная Монголия. – Она помолчала. – Конечно, мы могли бы просто сбежать. Получить специальное разрешение и обвенчаться где-нибудь с парой случайных свидетелей.

Джереми посмотрел на нее с ужасом:

– Ты что, серьезно?!

«Нельзя сказать, что это было только шуткой», – подумала Мадди, подавив вздох.

Она заставила себя улыбнуться:

– Есть и другой вариант – мы можем вместе поехать в Италию. Возьми на несколько дней отпуск. Отдохни от своей рутины. К тому же, если ты поедешь со мной, твой отец уже не будет так возражать против этой поездки.

– Нет. Будет, – покачал он головой. – А сейчас… сейчас мне пора идти. – Он обнял ее и крепко прижал к себе. – О, Мадди, как я ненавижу с тобой ссориться!

* * *

По иронии, все складывалось так, как хотелось бы того Найджелу Сильвестру.

Тодд, ее босс, стал склоняться к тому, чтобы отменить весь проект, посвященный Бартрандо.

– Мы хотели узнать, почему молодая певица, имея у своих ног весь мир, вдруг взяла и исчезла на тридцать лет, – сказал он на утренней пятиминутке. – Нам обещали одно предварительное интервью с Флорией Бартрандо, а теперь вместо этого предлагают какой-то местный оперный фестиваль. – Он хмыкнул: – Похоже, нас просто надули. Этот фестиваль не будет стоить даже авиаперелета, кто бы его ни спонсировал – граф, барон… да хоть сам король с королевой! Они там все бароны…

– Может, они подумали, этот фестиваль заставит ее вернуться? – предположила Мадди, пытаясь не выдать своего беспокойства.

Если вся эта затея развалится, Найджел Сильвестр может праздновать победу, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тодд пожал плечами:

– Почему в таком случае они сразу этого не сказали? Боюсь, вся эта история с Бартрандо может оказаться обыкновенным рекламным трюком, возможно, тебе покажут могилу на кладбище и скажут – фестиваль был организован в ее память.

– В таком случае я пошлю их куда подальше и возьму обратный билет, – не растерялась Мадди. – Но мне почему-то кажется – все же стоит попробовать.

* * *

Через несколько дней Тодд пригласил ее в свой кабинет.

– Я был несправедлив к этому графу, – сказал он, похлопывая ладонью по лежащему перед ним конверту. – Его зовут граф Валери, и, похоже, он как-то связан с синьорой Бартрандо. Он предложил встретить тебя прямо в аэропорту Генуи и отвезти в отель «Пуччини» в Тримонтано – именно там через год состоится фестиваль. Ну а потом, полагаю, граф устроит тебе встречу с этой таинственной леди. – Тодд улыбнулся: – Думаю, тебе стоит взять с собой какое-нибудь шикарное вечернее платье, если уж ты собираешься тусоваться с итальянской аристократией.

– Скорее всего, мне придется тусоваться с его личным секретарем, – усмехнулась Мадди. – Не мешало бы побольше узнать о самом графе…

– Я уже смотрел в Интернете. И почти ничего не нашел. – Тодд нахмурился. – Семья Валери действительно вот уже пятьдесят лет проводит оперные фестивали, и сам граф, вероятно, далеко не молод, хотя никакой фотографии там не было. Живут они на деньги от продажи оливок и керамики. Кроме этого – зеро.

– Но мы не о нем собираемся делать программу, – усмехнулась Мадди. – А… о синьоре Бартрандо он ничего не сказал?

– Ни единого слова. На вот, прочти! – Он вытащил из конверта лист кремовой бумаги.

На сложенной пополам странице было всего лишь два абзаца, написанных черными чернилами. Почерк – твердый и резкий.

Вернувшись в свой кабинет, Мадди нашла в Интернете сведения об отеле, в котором для нее заказали номер. Количество звезд впечатляло, еда и сервис – тоже, судя по оценкам недавних гостей.

«Слишком уж все хорошо», – думала Мадди, гадая, не могло ли название «Пуччини» тоже быть чем-то знаменательным? Ведь первая серьезная роль Флории Бартрандо была именно в «Богеме». Она получила восторженные отклики за свою Мюзетту, совершенно затмившую Мими. Действительно, многие критики считали, что роли были распределены неправильно. Для главной партии драматическое сопрано Бартрандо подошло бы просто идеально.

И ее короткая, но яркая карьера полностью это подтвердила.

«Может быть, ее просто затравили? И она исчезла, не вынеся угроз со стороны других конкуренток?» – размышляла Мадди.

В остальном радоваться было нечему. Джереми очень плохо отреагировал на последнюю новость. В их отношениях появился некоторый холодок…

«Но это все из-за его отца!» – говорила она себе.

Тем не менее в аэропорту Джереми так и не появился.

Уже в зале ожидания она послала ему сообщение: «Тебе, вероятно, будет приятнее меня встретить», добавив к этому несколько поцелуев. Но ответа не получила и вошла в салон самолета расстроенная, с начинающейся головной болью.

Мадди устроилась в своем кресле и, когда мимо проезжала тележка с напитками, купила апельсиновый сок, чтобы запить таблетку от головной боли. Потом откинула назад спинку кресла и решила на пару минут закрыть глаза. А потом она услышала голос командира лайнера, объявившего о начале снижения. Выходит, Мадди проспала несколько часов!

Она повернула голову и посмотрела в иллюминатор.

У нее просто перехватило дыхание от величественного зрелища горных вершин под снеговыми шапками. Мадди, конечно, знала, горы от Генуи совсем недалеко, но сейчас они показались ей слишком близко. Угрожающе близко…

У выхода из аэропорта к ней подошел служащий в униформе.

– Синьорина Лэнг? – Его улыбка ободрила ее. – Меня просили проводить вас к машине графа. Камилло, водитель, не говорит по-английски.

– Спасибо, вы очень любезны, – поблагодарила Мадди.

«Этот граф, должно быть, влиятельная фигура здесь», – подумала она, когда ее проводили на частную стоянку, где, облокотившись на капот черного лимузина, ее ожидал коренастый мужчина в униформе шофера.

«Ну что ж, если даже это и обернется путешествием в никуда, – подумала Мадди, когда шофер открыл для нее дверцу, – по крайней мере, можно будет сказать: само путешествие оказалось стильным».

И еще она похвалила себя, что догадалась надеть юбку, а не джинсы. Хотя ее жакет, заслуживший несколько презрительный взгляд Камилло, был из джинсовой ткани.

Машина тронулась с места, заработал кондиционер. Ее взгляд остановился на ящике, обитом коричневой кожей, с металлической ручкой. Это был холодильник, наполненный бутылками с минеральной водой и апельсиновым соком.

Вот уж действительно – сервис по высшему разряду! Если бы еще Камилло хотя бы немного говорил по-английски, чтобы она могла расспросить его о Тремонтано или о дороге, по которой они ехали!

Возможно, он даже что-то знал о связи Флории Бартрандо с этими местами, хотя перед тем, как сорвать бурные аплодисменты за исполнение партии Джильды в «Риголетто», она уже давно жила в Риме.

Через несколько минут аэропорт и его окрестности исчезли из виду, и их черный лимузин влился в плотный поток машин на широком хайвее. Еще через четверть часа они свернули на другую, более узкую, дорогу, и мгновенно, как если бы кто-то нажал на кнопку, все вокруг преобразилось. Промышленный ландшафт сменился мирным сельским пейзажем – оливковыми рощами, каштанами и поросшими низким кустарником пастбищами у подножия гор.

По дороге им теперь в основном попадались фермерские фургоны и группы туристов, потеющих под своими рюкзаками, или краснолицые велосипедисты, одолевающие крутые подъемы.

Потягивая через соломинку охлажденный сок, Мадди от души порадовалась, что она не из их числа.

Но вскоре сияние дня померкло, вокруг горных пиков начали собираться тяжелые облака. Плохая погода – какое разочарование! Она слегка поежилась, когда вид белоснежных вилл и островерхих кипарисов, четко вырисовывающихся на фоне лазурного неба, начал понемногу тускнеть. Но в конце концов, она приехала сюда не для отдыха! И все-таки трудно было поверить – Тримонтано, центр ежегодного фестиваля, оказался таким удаленным местом… Нужно быть очень большим любителем музыки, чтобы проделать столь длительное путешествие.

Что же могло заставить Флорию Бартрандо покинуть широкую сцену и похоронить себя среди этих далеко не всегда приветливых гор?

«Нет, тут должна быть настоящая история», – думала Мадди, горя нетерпением скорее добраться до пункта своего назначения и приступить к делу.

Через несколько минут на развилке дороги их машина повернула направо и начала спускаться в долину, окруженную высокими пиками гор.

И вот тогда перед ее глазами возник Тримонтано – игрушечный городок на ладони каменного гиганта.

Она наклонилась вперед, заметив, как гордо вздымается среди красной черепицы крыш ослепительно-белая колокольня. И в тот же миг раздался первый раскатистый гром, отразившийся многократным эхом.

Уже зарядил дождь, когда их машина остановилась на главной площади перед массивным портиком отеля.

Мужчина в униформе спустился по ступенькам. Он взял Мадди под зонтик, чтобы проводить в гостиницу. Камилло следовал за ними с ее дорожной сумкой.

«Которой, конечно, следовало быть от Луи Вуттона», – подумала Мадди, глядя на дорогой мрамор, зеркала и позолоченные капители колонн в фойе.

Она повернулась, чтобы поблагодарить Камилло, и… увидела его удаляющуюся фигуру.

«Очевидно, он привык к пассажирам более высокого класса», – сокрушенно подумала она, направляясь к стойке портье.

Но в улыбке портье она не заметила ничего оценивающего. Все необходимые формальности были проведены корректно и быстро.

– Для вас еще есть вот это. – Вместе с ключом-карточкой он протянул ей конверт.

– От графа Валери? – спросила она.

– Рад приветствовать вас в Тримонтано от его имени. – Он снова улыбнулся и коротко кивнул: – Ваш номер двести пять. Лифт за углом направо, багаж уже на месте. Если что-то понадобится, достаточно только попросить.

Интерьер комнаты неожиданно оказался вполне современным: светлый элегантный пол и впечатляющий набор удобной мебели с самой широкой кроватью из всех, которые она когда-либо видела.

Впечатляла и ванна – огромная, с двумя обтянутыми тканью подголовниками. Имелась здесь и душевая кабина – достаточно просторная и для двух человек. «Последний завершающий штрих – напоминание о предельной близости», – подумала Мадди, пытаясь подавить боль сожаления, ведь она здесь одна. Но если даже Джереми и был далеко, по крайней мере, она всегда могла с ним поговорить.

Мадди достала из сумочки мобильный телефон только для того, чтобы с огорчением обнаружить, что здесь нет сигнала.

– Будем надеяться, это из-за погоды, – пробормотала она и набрала номер портье, чтобы попросить соединить с междугородней линией.

Но и тут ее ждало разочарование – автоответчик в офисе Джереми сообщил: его нет на месте.

Вздохнув, она положила трубку, не оставив никакого сообщения. Мадди хотелось одного: услышать его голос, даже если это была всего лишь магнитофонная запись.

«Крошки с праздничного стола, – подумала она с горечью. – Да, кстати…»

Она потянулась за конвертом.

– И если мне скажут, что Флория Бартрандо тоже не желает меня видеть, значит, мне действительно не повезло, – пробормотала Мадди, доставая из конверта сложенную в три раза записку, откуда выпал другой листок, размером поменьше.

Это был билет на сегодняшний вечер в Театр Гранде.

– «Риголетто» Верди, – прошептала она. – Последний спектакль Флории Бартрандо. Это может быть знаком.

В сопроводительной записке, написанной черными чернилами, оказалось всего лишь два слова «До вечера» и подпись «граф Валери».

«Немногословный человек этот граф», – подумала Мадди.

Но какая разница? Она все равно была готова благословлять каждый седой волосок на его, вероятно, уже лысеющей голове.

Глава 3

Когда после второго акта опустили занавес, Мадди со вздохом откинулась на спинку кресла. Она почти совсем забыла и сюжет «Риголетто» – со всеми его проклятиями, вендеттами, соблазнениями и предательством, и шута-горбуна, горящего желанием отомстить своему развратному хозяину.

Но только не восхитительную музыку Верди! Так же как и прекрасную арию «Caro Nome», где обреченная Джильда поет о своем возлюбленном. Эта ария была на одном из немногих альбомов Флории Бартрандо, который Мадди раздобыла в каком-то магазинчике и без конца проигрывала, пока готовилась к поездке.

Театр Гранде оказался не таким большим, как предполагала Мадди, но барочный стиль его внутреннего убранства, несомненно, впечатлял.

Во время антракта ей показалось, что кто-то наблюдает за ней, и она подняла глаза, пытаясь рассмотреть публику на балконах, в надежде увидеть там графа или даже саму Флорию Бартрандо.

Ей также хотелось надеяться, что она и сама успешно прошла проверку, если уж ей случилось оказаться объектом наблюдения. Хорошо, она взяла с собой самое дорогое платье – прямое, до колен, с квадратным вырезом и без рукавов, положившись на совершенные линии его кроя и плотную шелковую ткань. На ее изящной фигуре оно смотрелось очень эффектно.

Волосы Мадди оставила распущенными, но убрала их с лица, закрепив серебряным гребнем, и надела пуссеты – единственное ювелирное украшение на ней, не считая кольца Джереми.

Во втором антракте она зашла в бар, взяла двойной эспрессо и устроилась за столиком в углу. На стене напротив в массивной позолоченной раме висел портрет мужчины – с седыми волосами, но все еще красивого, со спокойным гордым лицом. «Чезаре Валери» – было написано на маленькой табличке в нижней части рамы.

«Значит, это и есть мой граф, – подумала Мадди. – Ну и где же он?»

Она повернулась к официанту в белом пиджаке, собирающему на поднос чашки с соседнего столика.

– А граф Валери… он сегодня здесь?

Официант, слегка поколебавшись, ответил:

– Он приходил, синьорина. Ненадолго. Но уже ушел.

Мадди подавила вздох разочарования.

Они все равно скоро встретятся. По крайней мере, теперь она знала, как он выглядит. И чувство, что за ней наблюдают, скорее всего, было верным. Конечно, немного странно, что он не использовал возможности познакомиться с ней.

В третьем акте она устроилась в своем кресле и приготовилась ждать, когда трагедия достигнет кульминационной точки – арии Джильды, приносящей себя в жертву, чтобы спасти коварного герцога. Мужчину, который соблазнил и предал ее.

Она поежилась, услышав слова Риголетто нанятому убийце:

– Он – преступление, я – наказание.

И почувствовала на глазах слезы, когда шут, понимая, что способствовал убийству собственной дочери, в отчаянии падает на ее мертвое тело.

Аплодисменты были громкими и продолжительными с криками «Браво!» со всех концов зала. Мадди осталась сидеть в кресле, пережидая, пока схлынет толпа, и думая, что ей делать дальше.

«Лучше всего, – решила она, – вернуться в отель, дождаться следующих инструкций».

Было уже поздно. И когда она вышла на умытую дождем улицу, завернувшись в мягкий кашемировый палантин, то вдруг почувствовала себя невероятно усталой.

«Все, что мне нужно, – так это хорошенько выспаться. А интервью… интервью подождет», – думала она, в наслаждении предвкушая, как скинет с себя одежду и упадет на прохладные простыни.

Но у графа, очевидно, были свои планы. Напротив выхода из театра стоял знакомый черный лимузин, а возле него – шофер, уже открывший заднюю дверцу.

Но это не Камилло! Этот был стройнее и выше. Вероятно, и моложе, хотя форменная фуражка с козырьком мешала рассмотреть его лицо.

– Синьорина Лэнг. Вы поедете со мной. Прошу, – произнес он спокойно и негромко. Тем не менее это было скорее похоже на приказ, чем на просьбу.

Мадди заколебалась:

– Вы отвезете меня к графу?

– Никто не любит, когда его заставляют ждать.

Фраза прозвучала довольно двусмысленно и бесцеремонно – особенно от наемного работника. И все-таки Мадди села в машину. То, что он говорил по-английски, уже показалось ей шагом вперед. Хотя вряд ли с водителем были

возможны какие-то разговоры: стекло между передним и задним сиденьями так и осталось закрытым.

Мадди еще раз проверила – маленький диктофон и запасные батарейки лежали в ее сумочке. Она устала и с трудом боролась со сном.

«Что мне действительно сейчас нужно, так это бодрящий кофе», – подумала она, наливая себе минеральной воды.

Она начала повторять подготовленные вопросы, но вместо них в ее голове все звучала и звучала волшебная музыка Верди.

«Я всего лишь на несколько минут закрою глаза, – подумала она. – Потом я буду чувствовать себя намного лучше».

С этими мыслями она закрыла глаза и погрузилась в мягкое облако темноты.

* * *

Мадди очнулась, когда поняла, что машина наконец остановилась. Следующей мыслью было – она больше не сидит, а лежит. На кушетке или даже в постели.

Сделав над собой усилие, Мадди открыла глаза и действительно обнаружила себя в постели.

«О боже, я, наверное, заболела, – подумала она, заставив себя приподняться на локте и сесть. – И я снова в гостинице».

Но тут же избавилась от этой иллюзии.

Во-первых, кровать, на которой она лежала, была такой же широкой, но куда более старой и дорогой, судя по элегантному изголовью из темного дерева и бордовому балдахину над ней.

Во-вторых, со всех сторон ее окружали двери. Они были везде – на каждой стене, покрашенные во все оттенки зеленого, голубого и розового. И судя по

всему, некоторые из них были ненастоящими.

«Я еще не проснулась, – подумала она, бессильно откидываясь на подушки. – Этого не может быть. Это просто дурной сон».

На ней была незнакомая темно-синяя ночная рубашка из плотного шелка с глубоким вырезом. Дрожь, пробежавшая по коже от прикосновения прохладной ткани, наконец, заставила Мадди осознать: это не сон.

«Итак, – сказала она себе. – Тебе стало плохо в машине, и тебя привезли сюда. Это единственное разумное объяснение произошедшего. Просто очень хотелось спать. И за тобой наверняка здесь присматривают».

Мадди уже начала уставать от всяких тайн и загадок. Прямой разговор – вот что ей было нужно. А также – одеться… Если б только знать, где она, эта одежда? И который час? Она с ужасом обнаружила – на ее руке нет не только часов, но и кольца – кольца Джереми. О боже!

Она вскочила с постели, мгновенно проснувшись. Где сумка?! Где деньги, паспорт, кредитная карточка, мобильник – где все ее вещи?!

И то, что она оказалась почти голой в чужой постели, в чужом доме, находящемся черт знает где, вдруг приобрело зловещий оттенок.

И даже если для всего этого существовало вполне невинное объяснение, достопочтенный граф Валери, когда они встретятся, просто обязан будет перед ней извиниться!

В следующий момент Мадди услышала позвякивание ключей. Еще через пару секунд одна из дверей на противоположной стене широко распахнулась, оказавшись не имитацией, а настоящей дверью.

На пороге стоял мужчина. Но не с портрета. Этот был моложе, с загорелой оливковой кожей. Он даже показался ей знакомым. Но как это могло быть? Мадди не сомневалась: она никогда в жизни не видела этого четкого надменного лица с презрительной усмешкой в золотисто-карих глазах.

– Значит, вы, наконец, проснулись.

Голос подстегнул ее память. Холодный, не допускающий возражений. Голос шофера, пригласившего ее в машину возле Театра Гранде! Только теперь вместо униформы на нем были джинсы и черная рубашка поло, открывающая загорелую грудь. Широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги – сильное, крепкое тело.

– Разумеется, – ответила Мадди, забравшись обратно в постель и натянув до подбородка простыню. По его губам скользнула усмешка. Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. – Вы – водитель графа? Это вы привезли меня сюда?

– Да, синьорина, – кивнул он.

– Дело в том… я абсолютно не помню, что со мной случилось. Я была больна? И сколько я проспала?

Он пожал плечами:

– Примерно четырнадцать часов.

– Четырнадцать часов?! – изумилась Мадди. – Так долго? Но это невозможно…

– Вы заснули в машине. И вы все еще спали, когда мы сюда приехали.

– Ну и как я очутилась здесь… в таком виде?

– Я вас принес, – просто сказал он. – Вы так и не проснулись.

Во рту у нее пересохло.

– Я вам не верю. Там наверняка что-то было… в кофе. Или в минеральной воде. Вы меня усыпили!

Его губы сжались.

– То, что вы говорите, просто абсурд.

– Хорошо. Возможно. – Она нетерпеливо махнула рукой. – Но я не понимаю, почему вы не отвезли меня обратно в гостиницу?

– Потому что граф хотел, чтобы вас доставили именно сюда.

– Очень великодушно с его стороны. И все же я бы предпочла придерживаться своих собственных планов и спать там, где остановилась. Пожалуйста, поблагодарите графа и скажите ему, что я хотела бы уехать.

– Это невозможно, синьорина. Вы останетесь здесь, пока не закончатся переговоры с вашей семьей в Англии. Переговоры насчет вашего освобождения.

* * *

– Вы хотите сказать, меня… похитили?! – после долгого молчания наконец выговорила она.

– Да. Именно. Сожалею об этой необходимости.

– О да, вам придется пожалеть! Еще как придется! Когда вы окажетесь в суде. И не думайте, что вам поможет ссылка на вашу невменяемость!

– Я ни на что не собираюсь ссылаться даже в случае судебного разбирательства. Но его не будет. Это я гарантирую. – Он помолчал. – И я абсолютно вменяем.

– В таком случае вы можете доказать это, только вернув мне одежду и сумку и попросив другого шофера – Камилло – отвезти меня назад в Тримонтано. Немедленно!

– Это тоже невозможно. Все ваши вещи уже забрали из отеля и привезли сюда.

Она чуть не задохнулась от ярости:

– Кто так решил?!

– Я.

– Ну что ж, тогда и у меня есть решение, – заметила Мадди. – Я приехала в Италию, чтобы взять интервью у женщины, которая когда-то выступала на сцене, – певицы Флории Бартрандо.

– Это имя мне знакомо.

– Неужели? – Мадди наградила его насмешливым взглядом. – И ваш босс, граф Валери, – продолжала она, – собирался быть посредником. Я понимаю, в таком деле может быть определенная секретность. Но похищение – это уж слишком! Это просто безумие! Вряд ли меня ожидает какое-то интервью. Поэтому, получив назад свои вещи, я собираюсь отсюда уехать.

– А я говорю – вы останетесь там, где сейчас находитесь. Если только я не решу по-другому, – добавил он, делая шаг к кровати.

Мадди невольно отпрянула назад:

– Не приближайтесь ко мне! Не смейте меня трогать!

Его губы скривились.

– Вы льстите себе, синьорина. Ваше тело меня нисколько не интересует, разве что в качестве товара на обмен, когда переговоры с вашей семьей будут закончены.

Мадди замолчала, пытаясь осмыслить ситуацию.

Конечно, она знала: люди могли стать заложниками, но это была особая категория – в основном богатые туристы, сующие любопытный нос в самые опасные места. А вовсе не работники культурного телеканала, занимающиеся поисками исчезнувшего сопрано во вполне цивилизованной стране.

– То есть вы хотите сказать… – начала она, запинаясь, – вы держите меня для… выкупа? Я – ваша… заложница?

Он нахмурился:

– Мне не нравится слово «заложница». Давайте считать – вы останетесь здесь в качестве гостьи до тех пор, пока дело не будет улажено.

– Боже, да вы что, с ума сошли? Мой дядя – директор обычной школы! А тетя работает в детском саду. Какой выкуп они могли бы вам предложить?!

– Но я говорил вовсе не о них. Я говорил о другой семье. Семье вашего жениха, которая скоро станет и вашей семьей, – спокойно сказал он. – И это обойдется им не дешево.

Мадди в изумлении уставилась в это холодное невозмутимое лицо.

Они хотят денег от Джереми и его отца? Но почему? Просто потому, что у них есть деньги?

– Нет… вы не можете… вы не смеете… – едва выговорила Мадди.

– Разве я недостаточно ясно выразился?

– Вы же не можете не думать о последствиях! Вы попадете в тюрьму на долгие годы. Что останется от вашей жизни, когда вы оттуда выйдете?

Его рот сжался, взгляд помрачнел.

– Во всяком случае, первым там окажусь не я. Но вы напрасно спорите, синьорина. Против меня все равно не будет выдвинуто никакого обвинения.

– Ну а против графа? Он известное лицо. Бизнесмен. Покровитель искусства, – продолжала Мадди, в отчаянии цепляясь за соломинку. – Неужели граф не знает, чем вы тут занимаетесь?

– Разумеется, знает.

– И потворствует этому?! Ну уж нет! Я вам верить не собираюсь.

– Тогда сами у него спросите, – спокойно сказал он. – Сегодня во время ужина. Я как раз и пришел пригласить вас.

– Да идите вы все к черту! Вы что, действительно думаете, я буду сидеть за одним столом с тем, кто так со мной обращается? Да я лучше объявлю голодовку!

– Ваше право. – В его голосе она не услышала ни нотки участия. – Если ваш жених проявит достаточную оперативность и удовлетворит наши требования, ваша голодовка не затянется дольше чем на пару дней.

– Хотите сказать, вам это все равно?

– Хотите вести себя как глупый ребенок? Это ваш выбор. Но я думаю, все же лучше принять ситуацию. Тогда в день вашей свадьбы вы будете выглядеть как женщина, а не как скелет. – Он показал на витой шелковый шнур рядом с постелью. – Здесь есть звонок. Если вам что-нибудь понадобится, горничная принесет.

– Все, что мне нужно, – это выбраться отсюда!

– Этого, боюсь, горничная не сможет устроить. Она, как и все слуги в этом доме, очень предана графу.

– Вряд ли у меня есть возможность кого-нибудь подкупить. Мне на ужин и надеть-то нечего. Даже с престарелым похитителем. Где моя одежда?

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Вы получите все необходимое.

С этими словами он повернулся и вышел из комнаты.

* * *

Мадди сбросила с себя простыню и, пробежав на носочках по мраморному полу, подергала за ручку. Дверь оказалась заперта, как она и предполагала. Тем не менее это могла быть не единственная настоящая дверь. Надо попробовать

найти другие.

За первой дверью, которая ей поддалась, оказался длинный проход в гардеробную с несколькими платяными шкафами и стенкой выдвижных пустых ящиков.

В шкафах тоже не оказалось ничего, кроме длинного платья, скорее похожего на халат, и пары шлепанцев с загнутыми носами – все в тон к ее синей ночной рубашке.

Закрыв шкаф, Мадди вернулась в спальню.

Что ей действительно нужно, так это принять ванну! Нужная комната оказалась за розовой дверью – всего лишь через две от гардеробной. Отделка из темно-зеленого мрамора была старомодной и мрачной. Однако горячая вода текла, все работало. На полке – пухлая стопка полотенец, рядом – туалетные принадлежности.

Большое, в полный рост, зеркало отразило ее фигуру. На мгновение Мадди замерла.

«Ваше тело меня не интересует…»

Черт! Почему она запомнила именно это?

Мадди посмотрела на свое отражение. Глубокий вырез рубашки подчеркивал узкую ложбинку на груди, тяжелый шелк мягко обрисовывал линии тела.

«Не интересует…»

Размер, длина ночной рубашки – все подходило идеально. Она сама никогда бы не выбрала такой насыщенный цвет, и все же он был ей к лицу, прекрасно гармонируя со светлыми волосами.

Теперь она знала, где были настоящие двери, а где фальшивые, но что толку? Осталось попробовать окна. За первой парой оказались два великолепных пейзажа маслом. На одном – дом у озера в стиле рококо, на другом – зеленый луг

с красными маками в окружении стройных кипарисов. Та самая Италия, которую она надеялась здесь увидеть…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kreyven_sara/opytnyy-soblaznitel

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить